

Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

САВВА ИВАНОВИЧ

РАССКАЗ

НА КРУТЫХ поворотах е по-ложки виден паровоз. Он бежит, закинув на ребристые спицы вагонов тугую черную гряду дыма.

Поезд спешит из Москвы в Сибирь. Мы сгрудились у открытых дверей и молчим: дымный запах полей и думает каждый о своем.

Постороние, граждане! — Мадельский скулящий кондуктор, дядя Вася, растолкал нас и, встав на подножку, сузил в темнеющей квадрате дверей зажженный фонарь.

— Зачем фонарь-то? — зевая, спросил худой длинноволосый студент и ловко выстрелил через голову кондуктора извечным окурком. Спросил, видимо, от нечего делать.

Дядя Вася склонился в его сторону и сказал весело, с раздражением: — Чобы на станции знали: в нашем вагоне — полный порядок. Ясно?

— Ясно. — А в тамбуре стоять не полагается. Также ясно? — Мы разошлись, всевозможные мыкать дорожную скуку.

...Сначала нас в купе было только двое: я и Савва Иванович — по-жилой человек в полувоенном костюме. От самой Москвы старик утку большой нос, похожий на рожек для надевания ботинок, в тестьезный том «Графа Монтекристо» и не проронил ни слова до тех пор, пока где-то за Рязанью к нам не сели новые пассажиры — он и она.

Он — парень лет двадцати пяти. Как все высокое, чутко сутул, угловат. Волосы на его остром затылке стоят жестким пучком.

Она — напротив: небольшая, изящная, как фарфоровая статуэтка. Большие черные глаза навыкате; походка на грузинку.

Через десять минут мы знали о новичках все. Его зовут Николаем Борисовичем (можно просто Николаем), ее — Инной; они только что закончили вуз и после отъезда у родных едут работать в Кузбасс. И самое главное: в сферке из одесит уполкован их сын — Сашка. Ему деять месяцев.

Савва Иванович без улыбки выслушал молодоженов и стал перекладывать свою постель на верхнюю полку. Молча улегся. Нос его снова исчез за мягкими корочками книги.

— Спасибо вам большое! — зарделась машина. — На здоровье. Окуло лучше закрячите — сквозит у вас.

Молодожены засуетились. Мать собралась кормить ребенка. Я вышел в тамбур. Следом появился Николай Борисович. Он плотно прикрыл дверь, попробовал, не открывается ли она, и почему-то робко спросил:

— Я извинюсь, у вас курить найдется? — Сосед почти вырвал папиросу из моих рук, прикурил и затянулся так, что на его щеках с обеих сторон появились эмки.

Он с шумом выдохнул дым и затеял солидный разговор. — Коль! — позвала Инна (она пришла совсем несмешно). — Ты соеки куда девал?

Николай Борисович как-то безотчетливо затоптался, повернулся к жене спиной, норовя незаметно сунуть в карман зажатую в кулаке папиросу, но было уже поздно.

— Трещай ты! — презрительно сощурилась Инна и хлопнула дверью. Мой собеседник скривился, как от зубной боли, и тяжело вздохнул. А так как на моем лице было, наверное, написано недоумение, послышалась короткая:

— Внере курить бросил. — Утром я проснулся от сильного толчка в бок. — В чем дело? — Отстал! — Савва Иванович махнул рукой.

— Кто отстал? — Молодожены наши. — Ну! А ребенок? — Ребенок здесь. — И правда: на нижней полке среди развороченных пеленок, широко раскинув пухлые ручки, посматривала Сашка. В его изогнутой вылезавшей бутылка из-под молока и несколько игрушек.

☆☆☆ Чуть позже я выяснил, почему и как отстали наши соседи. Большая доля вины, как ни странно, ложилась на длинноволосого студента — человека весьма деятельного и бесловесного. Он заметил с самого начала, что радиорубка, которая помещалась в первом купе нашего вагона, бездействует, а ее хозяин — странный любитель лопатки. Изначально редкий высвечивал в проход изюмичью мучительно долгим своим физиономии и хрипел:

— Эй! Какая тут станция? Отгурчи соленные продукты, нет? — я не получил ответа, заглянул снова.

Студент был по-прежнему настойчив, и дверь радиорубки, наконец, открылась. Красные, как у окуна, глаза радостно приобрили омысленное выражение, он рассердился:

— Чего надо? — Длинноволосый не удостоил его ответом и молча поставил на проигрывающую пластинку с вальсом «Дунайские вальсы». Теперь мы бы-

ли с музыкой. Но это повлекло за собой, к сожалению, роковые последствия. После очередной остановки студент принес полную чашку огуриков.

— Теперь работа пойдет! — порывался он нового приятеля. И тут же проявил инициативу:

— Давай останки объявлять! Они выволокли из тумбочки дяди Васи затасканное расписание.

— Граждане пассажиры! Следующая будет станция Энская. Поезд стоит пятнадцать минут, — прокаркало радио.

Публика, не подозревая подвоха (позже выяснилось, что по новому расписанию поезд должен был стоять только пять минут), чинно разгуливала по перрону. Кто-то побежал на рынок за вокзалом.

Я спал в это время и не мог видеть столотворения, которое произошло около вагонов. Когда звякнул колокол, на это никто не обратил внимания. Но поезд пошел вопреки всем расчетам. Раздумывать было некогда — стали догонять. Кто-то успел в толчке и суматохе дернуть стоп-кран. Все село. Не оказавшись на месте только наших молодых.

...Ина утром дала понять супругу, что он не прочел, и в Энске демонстративно вышла одна, приказав ему караулить Сашку.

Когда дали отправление, Николай Борисович сильно забеспокоился.

— Отстанте! Вот характер! — И не вытерпел — побежал искать жезну, попросив напоследок:

— За Сашкой посмотрите! Упадете еще!

...Около часа мы ждали. Предполагали, не сделали. Шустрый бухгалтер из соседнего купе успокаивал нас:

— Да мало ли бывает... Придут. Может, в другом вагоне где, может, в ресторане зашли.

В коридоре стоял гул — там возмущались пассажиры, затоптавшие лином и лину встретиться с виновником чрезвычайного происшествия. Но дверь радиорубки была бесстрашна и нема.

Наконец, Савва Иванович уже совершенно уверенно констатировал:

— Отстала. Доложили дяде. Все. Тот застал:

— Ну ты скажи! Опять беда! Туда ехали — мужчина отстал. К тебе, видишь ли, в Новосибирске на чек, забрал. Теперь вот... Беда! Главному надо сказать...

— Опечатай вещи! — приказал главный — и посмотрел на нас так, будто мы были во всем виноваты. — Опечатай. Я телеграмму дам. Вам, граждане (он повернул ко мне строго физиономию), за ребенком пока присмотреть надо будет.

Савва Иванович по-бабьи поджал губы и протнул:

— Нда-а-а! — Через несколько минут Сашка громко засопел, одной ручонкой оторосил одеяло, другой протер глаза, зевнул, обняв два ярко-белых зубца, и заплакал.

— Т-с-с! — Савва Иванович приложил палец к своей щетине подборода, — пусть спит.

Сердце мое покотилось вниз, но я сказал тоном бывалой няньки:

— Спишь надо колыбельную песню. Всегда поет.

Савва Иванович, выгнув бровь, долго смотрел в потолок и зашел — тонко, скрипяще:

О-о-о-о-о! Седи гули на кровати, Стали гули ворковать А-а-а! А-а-а!

Дальше он не знал. Запел сначала. Но это не помогло.

— Ревет? — спросил бухгалтер, просунув в наше купе круглую бритую голову, напоминающую блестящий шар, какие бывают на спичках старинных котлет. — Ну, ничего. Я вам сейчас няньку притащу. Это просто.

...Нашей няньке, как выяснилось, семидесят два года; она носата, горбата, крива, как баба-яга из страшного сказки.

— Анясья Петровна, — рекомендовал ее бухгалтер, — к сану гостить едет. Сама из Тамбова. Поможет.

— Ну, прошай, сосед! Спасибо за компанию. Я мальчика дам отцу — и обратно.

— Как обратно? — Старик растерялся. Он сделал вид, что ему необыкновенно весело, и появился хриплым шепотом, заморгал бесемыми ресницами:

— Я с вами прокатился немного дальше положено... Вызвать...

☆☆☆ Поезд отсчитывает сибирские версты. В тамбуре я один. В вагоне скучно, потому что у «кадровых» пассажиров нашлись вдруг неотложные дела: студент упаковывает вещи, бабка Анясья спит, прикрыт от мух лодок платком, бухгалтер ушел в ресторан. Всем нам чего-то не хватает. Теперь — тоже пусто. Только на столике у окна лежит выданный видик том «Графа Монтекристо». Я его возьму обязательно — в память о хорошем человеке.

НОВЫЕ СТИХИ

Степан Торбоков — поэт из Горной Шории. Его творчество известно широко разошлось среди шорского, хакасского и тувинского народов. В переводе на русский язык стихи Торбокова появились впервые в книге «Под звуки чатхана» в 1958 году (Хакасское книжное издательство).

В настоящее время Кемеровское книжное издательство готовит к печати сборник стихов Степана Торбокова «Песни старого шорца». Переводы выполнены абакаским поэтом Геннадием Сысольтиным.

Кроме того, в будущем году выйдет из печати первая детская книжка С. Торбокова «Пихточка». Поэт многие годы работал в школе учителем, поэтому ему была всегда очень близка и дорога детская тема в его творчестве.

Ниже мы публикуем два стихотворения Степана Торбокова в переводах Г. Сысольтина.

ОСЕННИКИ

Не узнать Известных с детства мест. Где-то здесь была тайга граница. Где-то, здесь над ветхою звонницей, Рос из криши православный крест...
Но давно Угасло и отжило Старое, Комарное бытие... Вышла верху золотая жила — Черное же золото мое! Уголек! Его рубают в лаве Синово, кочевых... Весть разносит О шахтерской славе

Поезда На линиях стальных. И, стерж Последний след Былого, — Новый город засветил огни. В полутьме предугрешней Лиловой — Маят, маят издали Они. Над пластом, Над углем богатым Станет златра Лучше, чем Вчера! Так Сказал мне город мой любимый, По-шахтерски Выйди На-гора.

РОДНИКИ

Есть В верхних Кондомы-реки Чистые, Живые, Родники. Карниз-гора Их родила. В них вода Зимой — Для нас теплая, Летом же — Прохлада и свежая. Горную волюшку Пей, душа! А родник Бежит, спешит Туда, Где играет, Вечно молодая, Кондоме Ворoshной волной. Кондоме — Не скоро на покой.

Родниковой юностью Подна Старишь не думает она... Был я у дальних берегов, Удалой уголок Из родников. Утолял и думал: «Глубоки И чисты Родные родники. Я б сравнил С рекою Наш народ. Пусть он вечно Родники берет — Радости, Искусства И труда... Пусть Вперед влечет его Всегда!

НАШИ ДЕТИ

Четырехлетний Саша, глядя на окна вагона на хвойный лес, деловито, по-взрослому — соседям по купе: — Это сосны. На них шишки бывают... И, подумав, уточняет: — Недровые...

Малыш, кубарем свалившись с изгороди, констатирует: — Упал вверх карманшами.

— Смотри: этот дым, что идет из заводской трубы, называют за его ярко-желтый цвет «лисий хвост», — рассказывает отец 4-летней дочке.

— А если дым белый — это тогда будет «курицын хвост»? — мгновенно ориентируется девочка.

— Почему вагончики стоят? — осаждают мальчик бабушку. — Как же они поедут? Ведь к ним паровоз не прицеплен. — Смешная каятя. Конечно, вагоны не поедут. У них же ножек нету. Они покатыся. Вот!

Записала В. Оленева.

Красная горька

Евг. БУРАВЛЕВ.

Десятый день ведут сражение За левый берег взрывники. По склону — полка в две

Винзу — саврепный рев реки, А метрах в ста застыл

Как полк на линии исходной Перед решительным боем. Строй тех машин, что нам

Его руками передавалось. И все, чем жил, вдруг почему-то Осталось где-то позади, И сердце ночей с той минуты Секундам счет велет в груди... Ты — бог и царь! Тебе

Еще последние два отгала — И снова ринутся, как в бой, Бульдозеры и самосвалы, И экскаватор-запевала Шагнет в дымящийся забой

Подвластен Твой экскаватор, твой забой! И тот, кто хочет звать, в чем счастье, Воюя с оползнями гланы, С отвесной каменной стеной.

Еще нет-нет прорезет свистом Осолок шеюя тишину, А Блосу вместе с машинистом Уже не терпится: — А ну! Покажем темпы Лапшину!

Иной, когда твой вдохновенный, Отчине посвященный труд, Таким стал следом во Весенней — Тысячелетия не сотру! Иной, отличной от поэзий Увербных чувств, разбитых грес, Когда на шахте, на разрезе, И в новом городе, что рос Над Томью сотней светляков

— Я с вами прокатился немного дальше положено... Вызвать...

И если бы сейчас спросили: «Осились? Пусть не проторени!» Любый ответил бы: «Осило! Коль матерью зову Россию — Нельзя не быть богатырем!»

☆☆☆ Полтина — коши на рубль жару, Пока погоды хороша! — И вот уж с машинной сросся (Виток к витку — подемный

☆☆☆ Гордец... Сколько меж другими, С какой особой теплотой Его здесь повторяли имя За то, что славился своими Делами, честной примотою; За то, что в трудный час был первым

☆☆☆ Над самосвалом ковш занес, Застыла на миг, как знак вопрека, Как будто напряженные троса

☆☆☆ Там, где другим невозможно, За то, что собственным примером Вселял в людей такую веру, Что шли — и брали высоту. Вот он окинул светлым взглядом Свой город и речную даль. А этот взгляд под Сталинградом Был гуч, как уголь, тверд, как сталь.

☆☆☆ Сам мокрый, жизни дал мотору — Глади, вот-вот начнет чихать, — Но если б нужно было горю С землей заодно сравнять — Сравнял бы всю без разговору. Не сдал, не повернул бы вспять!.. А там, присутствии на веревке, Бурит взрывник в скале шпурки, И сколько надобно шпуровки, Чтоб зацепиться за обры! И видно с берега любого, Как, взгромоздись на козгор,

☆☆☆ И, может, с той поры военной Он взял за правило себе Всегда быть там, где непременно Клокочет жизнь — в труде, в борьбе.

☆☆☆ Когда своим партийным долом — Считаешь честь быть впереди, И разговор не станет долгим: — На стройку? — Да.

☆☆☆ Не подведи.

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

☆☆☆

Это только начало, Неумелое, может: Первый стих о весне, О цветущих садах.

Пусть же вечно мальчишку И влечет, и тревожит Жизнь, которой, как песне, Не смолкает никогда.

Симдикова жаждет славы...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ пор — это вторая профессия. Он же считает себя писателем. Говорит, писатель должен иметь свой почерк. Симдикова его имеет: пишет карандашом на бумаге в клетку и обязательно с наклоном букв в левую сторону.

Многим редакциям газет нашей области нужно было бы иметь специального сотрудника в отделе писем, чтобы успешно справиться с разбором почты Симдикова. Пишет он много и неутомно. Иногда в один день он шлет в какую-нибудь редакцию по пять и больше писем. Пусть, мол, знают, что он, Симдикова, не сидит без дела, а работает, пишет, как это и подобает писателю.

Темы у него самые разные. И жанры тоже: начиная от заметки и короткой повести. До романов пока еще дело не дошло. В отличие от известной русской императрицы, которая занималась в свое время «литературным» трудом и делала в слове «еще» четыре ошибки, Симдикова делает в этом слове всего одну.

Наш герой, очевидно, понимает, что на собственном «таланте» он далеко не уедет. И поэтому прилагает свою литературную похлебку «специями», уворованными из творений других авторов. Ворует он все, что под руку попадет: будь то информация на местной газете или целая поэма какого-нибудь малознаменитого поэта.

Иногда Симдикова покушается и на тексты «больших литераторов». Как-то однажды его осенило — и в очередное свое «произведение» он включил целые страницы из Николая Островского.

Лицемерие литературного вора поразительно. Он пишет материалы

под заголовками «Так поступают комсомольцы», «Комсомольскому писателю — достойную трудовую встречу», «Путевка в большую жизнь» и т. д. Иногда его даже публикуют. А если нет, то дают обстоятельные ответы, литературные консультации, которые неизменно начинаются со слов «Уважаемый товарищ Симдикова». Автор этих строк тоже в свое время отнесся очень благожелательно к первым «литературным» опытам начинающего «писателя».

Это льстило тщеславию Симдикова. И он нагнул все больше и больше. Воронка добралась даже до областного издательства. Кто знает, может быть, Симдикова в недалеком будущем рассчитывает издавать свой (назвните заговорку) сборник из чужих стихов?..

Последней его вылазкой была попытка нескольких стихотворений в редакцию областной газеты «Кузбасс». Симдикова на сей раз изменил почему-то наклон почерка в правую сторону и рядом со своими неумелыми вырвками аккуратно переписал стихотворение молодого новосибирского поэта Ильи Фояжкова и стихотворение известного советского поэта Степана Шипачева «Мы строим коммунизм» (разумеется, присвоив авторство).

Симдикова жаждет славы. Пусть этот маленький фельетон хоть немного удовлетворит его литературное тщеславие. Проживает он, кстати, в г. Междуреченске по улице Мичурина, 33. Берегитесь Симдикова — он может переменить прописку, но переменить своей оригинальной профессией.

В. МАХАЛОВ.

— Так не один же — вся бригада. — Как? И бригада заодно? — А как же! Надо — значит надо!

У нас уж так заведено! И, смотришь, вот уж для барака Связали нижние вены Он, Шавола, Неумывалко — На стройке первые жильцы.

И хоть сжались не начево — Край обнялись навсегда. И для порядка у крыльца Сажали кедры в два ряда...

☆☆☆ Легче с такими жить бок о бок И нынче снова вспомнил Влас. Как год назад, смущен и робок Сам шел на смену в первый Гордец встречая: — Звать как? — Влас.

☆☆☆ — Влас! — Любя по плечистых, крутоло Дел ты смелый, рабочий класс! Держись орлом! Не грех, что нижник. Пока — подай, дай помощи, А там — лишь не чурайся книжек-Глядишь, и сел за рычаги...! Припомнишь вновь, как и обещивать

☆☆☆ Шепталась с Костей до темна: — Такое в жизни, брат, событие — Взят в экипаж Бородина...! Теперь и я механизатор...! — Э, нет, дружок. Как говорят, Пока не сел на экскаватор, Не горюпись в калашный ряд.

☆☆☆ К концу глава, к концу и смена. Горят осины на ветру Средь пихтача — костер к костру. Листовой пожулял, прелым сеиом Захлопало к вечеру в бору. Полилась выводок утний С заросшей травяной курии. Сваркнул летучей пухотной, Удало сердца не отступит Волнение прожитого дня — Ты будешь весел или грустен, Дневной заряд до сна хрен. А между тем смеется вечер. Прохладен сумерек покров. И сразу часу междучерья Туман заполнил до края. И месяц, тоненький и робкий, Боюсь покнуть край земли, Глядит, где тонут корабли — Кварталов каменных короби, Глядит, как плавают вдали Подземных кранов журавли. А сколько раз он видел Влас. Считаешь честь быть впереди, И разговор не станет долгим: — На стройку? — Да.

☆☆☆ — Не подведи.

РЫБАК-ПРАКТИК И РЫБАК-ТЕОРЕТИК.

Изопущка А. Гетманского по теме Л. Зеленова.